

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-7-37

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ ПЕРЕВОДА. К ОНТОЛОГИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Николай Викторович Иванов¹

Мария Николаевна Федулова²

¹ Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, г. Москва, Россия

² Военный университет им. Князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия

Для контактов: e-nickma@mail.ru; mfedulova@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — объяснить феномен соответствия в переводе через понятие истины. Истина перевода трактуется как комплексная содержательная категория, которая раскрывается через систему функциональных оппозиций. Центральным объектом рассмотрения, который наиболее контрастным образом сочетает в себе все аспекты перевода, является переводческая трансформация. Автор выступает против односторонней структурно-лингвистической трактовки феномена трансформации. Трансформация трактуется как интерпретационный приём перевода, в котором связываются его инвариантная и вариативная стороны. Автор ставит знак равенства между трансформацией и интерпретацией в переводе. Интерпретация в переводе представлена трансформацией. Конструктивно всякая интерпретация представляет собой переход от инвариантной стороны к вариативной. В обычных условиях коммуникации это переход от языковой формы к смыслу, где смысл вариативен, представляя общее пространство осмысления, разделяемое между коммуникантами. В переводе смысл — инвариантная сторона, отсюда интерпретация в переводе развивается от смысла к языковой форме. Связь инвариантной и вариативной сторон перевода получает трактовку в терминах индук-

тивной логики. Эквивалентное тождество трактуется через категорию транзитивности (как потенциальная взаимозаменяемость семантических элементов на базе одного и того же смысла). Истина перевода раскрывается как двусторонняя категория. Основанием истины выступает смысл. Границей истины выступает предметная семантика, где возможна и до каких-то пределов допустима предметная вариативность. Отношение границы истины к её основанию составляет предмет аналитической работы переводчика. Истина перевода раскрывается методом верификационной и фальсификационной логической проверки. В статье также затрагивается вопрос о месте и роли стиля, социокультурных окрасок и образности в переводе. С этих позиций рассматриваются категории форенизации и доместикации, которые характеризуются взаимопереходностью: одна из них может становиться результатом другой. В статье приводятся англо-русские и португальско-русские переводческие примеры. Статья адресуется специалистам в области теории перевода, сопоставительной лингвистики, общего языкознания.

Ключевые слова: истина перевода, переводческая трансформация, интерпретация, предметная транзитивность, выразительная деавторизация, верификация, фальсификация, интерференция, форенизация, доместикация

Для цитирования: Иванов Н.В., Федулова М.Н. В поисках истины перевода. К онтологическим основаниям переводческого анализа // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 1. С. 7–37. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-7-37

Статья поступила в редакцию 04.02.2023;
одобрена после рецензирования 27.03.2023;
принята к публикации 11.05.2023.

QUEST FOR THE TRUTH IN TRANSLATION: TO THE ONTOLOGICAL FUNDAMENTALS OF ANALYSIS IN TRANSLATION

Nikolai V. Ivanov¹
Maria N. Fedulova²

¹ Moscow State University of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia

² Alexander Nevsky Military University, Moscow, Russia

For contacts: e-nickma@mail.ru; mfedulova@mail.ru

Abstract. The paper presents an attempt to explain the phenomenon of correspondence in translation through the notion of truth. The truth of translation

is conceived as a complex category that manifests itself through a system of functional oppositions. The central object of this study, contrastively combining all the aspects of translation, is transformation. The paper stands against a unilateral structural linguistic view on the phenomenon of transformation, considering transformation as an interpretative means of translation combining invariable and variable sides. The paper equates transformation to interpretation in translation. In translation the interpretation is represented by transformation. Constructively any interpretation unfolds from its invariable side to its variable side. In the usual scenario of communication, interpretation represents a transition from the linguistic form to the sense where the sense is variable representing a common field of understanding shared between communicants. In translation, the sense is the invariable side; consequently, the interpretation unfolds from the sense to the linguistic form. The link between the invariable and variable sides in translation is treated in terms of inductive logic. The equivalence is seen through the category of transitivity (a potential substitutability of semantic elements on the basis of the same sense). The truth of translation is a binary category with the sense being its foundation and the referential semantic side being its boundary where semantic variability up to some limits is supposed. The interrelationship between the boundary and the foundation of the truth is the matter of analytical work of interpreter. The truth of translation is subject to the logical verification and falsification procedures. The logical procedures precede the translation forming the base of the subsequent decision the interpreter takes to choose an equivalent. The paper deals also with the function of style, sociocultural and figurative nuances in translation. From this perspective, categories of foreignization and domestication in their functional interconnection are taken into consideration. Their interconnection means that one category may result from the other. The paper presents a number of examples of English-Russian and Portuguese-Russian translation. The paper may be of interest to specialists in translation studies, contrastive linguistics and general linguistics.

Keywords: truth of translation, transformation, interpretation, semantic transitivity, expressive de-authorization, verification, falsification, interference, foreignization, domestication

For citation: *Ivanov N.V., Fedulova M.N. (2023) Quest for the truth in translation: to the ontological fundamentals of analysis in translation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 7–37. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-7-37*

The article was received on February 04, 2022;
approved after reviewing on March 27, 2023;
accepted for publication on May 11, 2023.

I. Межъязыковая интерференция и перевод

Одним из важнейших принципов перевода следует признать принцип межъязыкового «невмешательства». Принцип невмешательства означает, что один язык во всём объёме своей речевой работы и своих функций не может вмешиваться в работу другого языка. Теория перевода, насколько возможно, изгоняет межъязыковую интерференцию из онтологических трактовок перевода и критикует такие случаи в практическом анализе, считая их не отвечающими самой природе перевода. По этому поводу Ж. Мунэн писал: «Перевод — это языковой контакт и одновременно явление билингвизма». Перевод — это «предельный случай билингвизма, редкий со статистической точки зрения, где сопротивление обычным последствиям билингвизма более сознательно и более организовано; случай, когда говорящий билингв сознательно борется против любого отклонения от лингвистической нормы, против любой интерференции...» (Мунэн, 1978: 37).

Принцип невмешательства требует, чтобы переводчик избегал какого-либо влияния одного языка на другой в переводе. Межъязыковое влияние, если оно вдруг возникает в переводе, является стихийным. Переводчик теряет контроль над процессом перевода. Это влияние носит взаимный характер. В зависимости от вектора рассмотрения можно говорить об объективной материальной и о субъективной идеальной сторонах межъязыкового влияния в переводе. С одной стороны, следует избегать опасности материального влияния формы ИЯ на форму ПЯ. Это опасность буквального перевода, в котором переводчик, не учитывая выразительные расхождения между языками, допускает выразительное подчинение переводного языка исходному, что чревато нежелательными содержательными искажениями. Выразительный буквализм игнорирует функцию адекватности перевода. Идеальное межъязыковое влияние может наблюдаться со стороны ПЯ. Здесь ПЯ ставит себя выше ИЯ в содержательном аспекте, берёт на себя функцию смыслового интерпретатора, диктует свои условия понимания. Содержательное соперничество ПЯ с ИЯ чревато опасностью вольного перевода. Вольный перевод игнорирует языковую форму выражения и в конечном счёте снимает с повестки дня вопрос об эквивалентности перевода. Таким образом, при выразительном подчинении от ПЯ к ИЯ страдает адекватность перевода, а при содержательном подчинении от ИЯ к ПЯ страдает эквивалентность перевода.

Бесполезно говорить о выборе между двумя представленными выше функциональными векторами перевода. Ни один из них сам

по себе не может быть вполне продуктивным, прежде всего в силу того, что вопрос о межъязыковом подчинении в них представлен превратно. Либо мы отдаём перевод во власть функции эквивалентности, игнорируя функцию адекватности, либо, наоборот, мы стремимся достичь максимальной адекватности, игнорируя функцию эквивалентности. Следует перевернуть вопрос о подчинении языка языку в переводе: необходимо достигать максимального подчинения переводного языка исходному в *содержательном* аспекте, но в то же время решительно пользоваться условиями *выразительной* свободы в аспекте ПЯ, подчиняя перевод выразительным возможностям ПЯ.

II. Функциональные аспекты переводческой трансформации

Тождество в одном аспекте и вариативность в другом создают феномен трансформации в переводе. Полноценная трактовка феномена трансформации в контрастивном соотношении ИЯ и ПЯ должна быть двусторонней. Подобную трактовку мы называем «трансформационным идеализмом» (Иванов, 2021: 557). К сожалению, преобладающие в современной теории перевода трактовки феномена трансформации являются по большей части односторонними, их можно условно назвать «материалистическими». Понятие «трансформация» трактуется как «межъязыковое преобразование» (Нелюбин, 2009: 229). В них учитывается лишь видимая сторона трансформации, т.е. та, в которой два языка расходятся друг с другом в способе выражения. Невидимая сторона трансформации, ради которой она, собственно, и создаётся, в которой два способа выражения ИЯ и ПЯ совпадают (или, по крайней мере, сближаются) по смыслу и мыслятся как условно синонимичные друг другу, остаётся за кадром. Такие трактовки являются узкими, не учитывают природу переводческой трансформации, т.е. её подлинное предназначение — достижение смыслового тождества в переводе. А.Д. Швейцер, понимая «нематериальность» трансформации, считает, что «термин “трансформация” используется в переводоведении в метафорическом смысле» (Швейцер, 2009: 118). К сожалению, в университетском преподавании термин «трансформация» используется в материалистическом смысле.

Всякая трансформация характеризуется сочетанием инвариантного и вариативного. Механизм трансформации направлен на достижение условий смыслового тождества в переводе. При этом её внутренняя конструктивная динамика характеризуется

переходом от тождественного к нетождественному, от инвариантного к вариативному. Тожество — имплицитная, скрытая часть трансформации. Нетождественное, вариативное — её эксплицитная часть. «Меняю, сохраняя», — так можно было бы образно отразить сущность переводческой трансформации. Функция трансформации — нейтрализовать выразительные расхождения между языками в переводе, сделать их нерелевантными. При этом нейтрализация выразительных расхождений делается исключительно ради сохранения смыслового тождества в содержательном аспекте перевода.

III. Интерпретационная природа переводческой трансформации

Надо сказать, что связь инвариантного и вариативного, переход от неизменного к переменному составляет конструктивный закон *интерпретации*. Его можно назвать универсальным. И переводческая трансформация, по сути, представляет собой интерпретационную операцию, которая соединяет в себе аспекты инвариантного и вариативного в переходе от ИЯ к ПЯ.

Важно понимать отличие переводческой интерпретации от той, которую мы видим в обычной одноязычной коммуникации. В условиях обычной коммуникации интерпретация представляет собой некоторое ответное смысловое действие относительно воспринимаемого извне содержания (текста, высказывания). Само содержание в той форме, в которой оно было предъявлено, остаётся неизменным и является инвариантным аспектом интерпретации. Смысловое действие несёт в себе функцию осмысления или переосмысления предъявленного содержания и представляет собой вариативный аспект, т.е. собственно *интерпретирующий* аспект интерпретации. Соответственно, первый может быть назван *интерпретируемым* аспектом интерпретации. Таким образом, в обычной диалоговой коммуникации интерпретационное развитие осуществляется *от выражения к смыслу*, где первое (выражение) понимается как нечто неизменное, фактически данное, а второе (смысл) — как переменное, вариативное, развивающее первоначально данное содержание. В обычной коммуникации мы видим естественную свободную интерпретацию, которая несёт в себе личностное отношение человека к содержанию.

В переводе интерпретация в своём развитии получает противоположную направленность: *от смысла к выражению*. Смысл полагается как константа, как инвариантная сторона, а выражение — как

переменная и вариативная сторона перевода. Переводчик сохраняет смысл, меняя форму языкового выражения. При этом и здесь действует всё тот же конструктивный закон интерпретации: переход от инвариантного к вариативному. Данный переход и данный вид интерпретации, который мы видим в переводе, можно назвать искусственным. Он не несёт и не должен нести в себе личностного отношения переводчика к предмету перевода. В переводе смысл не принадлежит переводчику.

Таким образом, мы можем сказать, что перевод — это всецело интерпретационное занятие. Материальным свидетельством интерпретации в переводе является трансформация. И сама трансформация по своей природе — интерпретационный приём перевода. Интерпретация и трансформация органично связаны в переводе.

IV. Уровневая локализация трансформационных приёмов перевода в структуре текста

Важно выделить не только сам факт трансформации, но и точно установить её уровневую локализацию в переводе. Трансформация в переводе ориентирована на форму языкового выражения. Имеется в виду то, что именно в объёме языковой формы переводчик пользуется максимальной степенью трансформационной свободы. Такой свободой переводчик не может воспользоваться ни в объёме риторической формы, ни в объёме поэтической (жанровой) формы текста. Напротив, в объёме высших текстовых форм переводчик в идеале имеет минимальную степень свободы, стремится воспроизвести эти формы во всей их неприкосновенности и первозданности.

Высшие формы привязаны к смыслу и могут быть названы смысловыми. Языковая, низшая, форма текста реализует ближайшую знаковую функцию — функцию объектного означивания. Языковая форма текста, как таковая, связана функцией референции, т.е. функцией семантической идентификации объекта. Её функциональная вершина — предметное описание, при помощи которого она создаёт семантическую схему события, на которую наслаивается смысл, который в полной мере раскрывается в масштабе риторической и поэтической форм текста. В то же время базовая предметная семантика является носителем смысла. Она является ядерным компонентом содержания знака, от которого далее открывается широкая область коннотаций, устанавливающих смысловое предназначение знака в речи (Полубоярова, 2008: 80–81; Иванов, 2018: 51).

Конечно, отделить язык от речи и семантику от смысла в их чистоте очень тяжело. Чистое предметное состояние языка — научная абстракция, провозглашённая Ф. де Соссюром, в которой мы стремимся оторвать язык от его речевого опыта в целях его (языка) сущностного понимания (Соссюр, 1977: 57–58). В реальном своём практическом состоянии язык переполнен всякими смысловыми контаминациями. Однако с какими бы смысловыми наслоениями мы ни сталкивались в речевом знаке, языковое сознание требует от нас видеть в знаке объект, схему обозначаемого события, которая служит языковым основанием знака и критерием понимания реальности.

V. Коннотативная семиотика перевода

В обычном речевом узусе в сфере одноязычной коммуникации смысл континуален предметной семантике, мыслится как её содержательное продолжение и развитие. В переводе, при переходе от языка к языку, органичная связь между предметной семантикой и смыслом исчезает, между ними возникает борьба, противоречие. Переводчик оказывается в ситуации, когда воспроизвести в целом изначальную гармонию смысла и значения, не меняя ни один из его аспектов, невозможно в принципе: сохранение предметной семантики приводит к смысловым нарушениям, сохранение смысла требует изменений в предметной семантике. В переводе, как нигде, диалектика предметной семантики и смысла превращается в дихотомию. Референция и смысл противостоят друг другу в переводе. Это противостояние и составляет основу трансформационной и интерпретационной работы переводчика.

Отношение между семантикой и смыслом в содержании речевого знака является семиотическим и интерпретационным. Семиотика означает двойственность отношения, характеризуется субститутивностью и переходностью двух моментов: когда, видя одно, мы мыслим другое, когда каждый из моментов имплицитруется в другом. Порождая или воспринимая речевой знак, мы мысленно подменяем одно другим: семантику — смыслом, а смысл — семантикой. Из этого рождается интерпретационное отношение между ними.

Отношение между значением и смыслом как семиотическое постулировал Л. Ельмслев, для которого значение является знаком своего смысла, носителем коннотации. Л. Ельмслев трактовал это как вторичное семиотическое отношение, называя «коннотативной семиотикой» (Ельмслев, 1960: 372–373). К трактовке отношения между двумя моментами содержания (значения и смысла)

как интерпретационного склоняются представители логического позитивизма (аналитической философии). Они выражали это в терминах теории множеств: неизменная единичность одного момента «пробегают» по вариативному множеству другого момента: либо значение по множеству смыслов, либо смысл по множеству своих вербальных семантических репрезентаций, создавая ситуацию, как выражался Г. Фреге, «...распознавания *той же* мысли под разными масками» (цит. по: Павилёнис, 1983: 43). Таким образом, в знаке мы имеем множество смыслов, стоящих за одним значением, или множество значений, репрезентирующих один и тот же смысл. Р.И. Павилёнис трактует эту связь в терминах отношения перевода, используя понятие «перевод» в образной функции. Истина понимания достигается путём перевода «языка» значений на «язык» смысла, либо путём перевода «языка» смысла на «язык» значений. При всей условности такого сравнения, Р.И. Павилёнис считает, что данное отношение является сущностным не только для понимания истины, но и непосредственно для перевода. Особенно важна, он считает, экстраполяция отношения истины на основе оппозиции смысла и значения в сферу перевода. «Речь идёт не о том, чтобы дать определение истинности на основе понятия перевода, а о том, чтобы построить такую теорию истины, которая служит решению вопросов перевода с одного языка на другой» (Павилёнис, 1983: 53).

Основа интерпретации, которая по-разному раскрывает себя в обычной коммуникации и в переводе, лежит в речевом знаке, в его внутренней содержательной двойственности и переходности между значением и смыслом.

VI. Между предметной семантикой и смыслом.

Интерпретационная динамика перевода

Семиотическое отношение между семантикой и смыслом в речевом знаке является открытым (в отличие от закрытого, замкнутого в себе отношения между физической формой и языковым значением в языковом знаке). Это — интерпретационная открытость. В обычном коммуникативном применении речевой знак открыт интерпретации со стороны воспринимающего, который, интерпретируя, может так или иначе перенаправить смысл, придав речевому знаку нужный вектор дальнейшего контекстного развития, что, собственно, и имеет место в условиях диалога. Говорящий рассчитывает на интерпретацию своего высказывания со стороны слушающего. Отсюда, интерпретация несёт упреждающую

функцию в диалоге (Князева, 2014: 612). «Ещё в идеальной форме вторичная коммуникативная деятельность влияет на первичную» (Сидоров 2011а: 43). Диалогичность, ориентированность на адресата мы понимаем как внутреннюю пружину содержательного развития текста.

В переводе речевой знак в своей интерпретационной динамике ориентирован на выражение. Это значит, что при переходе от ИЯ к ПЯ этот знак не имеет смысловой свободы. Но при этом в нём открывается относительная свобода выражения в части подмены одной языковой формы другой. Здесь строго: семантика интерпретирует смысл, но не смысл — семантику. Возникает феномен семантической реидентификации предмета мысли, которая может достигать крайней степени семантического расхождения между исходной и переводной единицами (вплоть до контрастного и антонимического). Крайние случаи семантической нетождественности речевых единиц ПТ и ИТ в переводе В.Н. Комиссаров характеризовал описательно: «“Прямое” содержание высказывания как бы отступает на задний план: можно сказать, что здесь “говорится одно, а имеется в виду другое” и именно это “другое” и составляет то, ради чего создаётся высказывание — его главное намерение, его цель» (Комиссаров, 2007: 61).

В структурно-лингвистическом понимании работы знака в условиях обычной коммуникации мы привыкли считать, что смысл подчинён семантике, поскольку (вслед за Л. Ельмслевом) понимаем смысл как нечто производное и зависящее от семантики, называя его коннотацией — как нечто сопутствующее предметному значению. Предметное значение является носителем смысла и понимается как базовая и доминирующая сторона знака, поскольку несёт референциальную функцию: за ним стоит объект, обозначаемая реальность. В связи с этим постулируется принцип «семантического реализма», т.е. изоморфизма между семантикой языкового выражения и реальностью (Павилёнис, 1983: 28). Смысл в его оппозиции к предметному значению — это нечто неосязаемое; его осязаемость дана нам вместе со значением, лишь через значение и сам смысл становится реальностью. Без референциальной опоры смысл не становится реальностью.

В переводе мы видим обратное: мы видим тотальное подчинение семантики смыслу: смысл для переводчика первичен, а предметная семантика вторична. Референциальная опора знака мутирует, подстраиваясь под смысл. Вместе с тем, эту мутацию нельзя считать произвольной и случайной. Связь смысла и референции

в речевом знаке является мотивированной. Поэтому, несмотря на функциональную первичность смысла в переводе, его коннотативный статус в речевом знаке сохраняется и его нельзя игнорировать.

VII. Истина перевода. Логический подход

От смысла к предметному значению раскрывается *истинностная функция* знака. От значения к смыслу раскрывается его *риторическая (персуазивная) функция* (адресат сообщения должен согласиться с тем, что данное обозначение несёт данный смысл). Два аспекта знака поддерживают друг друга. Это — обоюдно мотивированная связь. Смысл, который воплощает в себе коммуникативное намерение, тянется к истинностному обоснованию и находит его в предметном обозначении, в функции референции. Предметное обозначение ищет для себя смыслового оправдания, в котором откроется его коммуникативное предназначение. Связь эта является необходимой для каждой из сторон. Каждая из сторон не имеет в себе рациональной опоры, но получает её, соединяясь с противоположной стороной, которая объясняет её статус посредством интерпретации. Обе стороны, предметная семантика и смысл, *фактуализируют* друг друга в речи (Федулова, 2019: 208). Н.Д. Арутюнова трактует факт как событие, осмысливаемое человеком (Арутюнова, 1999: 519).

Отталкиваясь от представленной выше оппозиции предметно-семантического и смыслового, попытаемся понять, в чём заключается *истина перевода*. Истина речевого знака и истина перевода — не одно и то же. Основанием истины в речевом знаке является предметно-семантический компонент, за которым стоит обозначаемая реальность. Основанием истины перевода является прагматика знака, т.е. его коммуникативное предназначение. *Основание истины* — её метафизическая сторона. В противоположном аспекте открывается феноменология истины, где устанавливается граница её практического применения, которой очерчивается её смысловой потенциал. Полнота понимания истины требует, помимо знания её метафизического основания, выявления её границы в знаке и в переводе. *Граница истины* определяет степень её свободы — той самой свободы, которая по М. Хайдеггеру составляет «существо истины» (Бимель, 1998: 138). Истина — двусторонняя категория, функционально определяемая отношением её границ к её основанию.

Граница истины — это потенциальная и во многом интуитивная величина. Если основание истины носит абсолютный характер,

то её граница всегда относительна, подвижна, зависит от внешних условий. В переводе понимание границы истины открывается отрицательным путём через осознание того, что недопустимо или нежелательно в переводе. Такой путь можно назвать эмпирическим, он осуществляется через перебор различных, не равных по своей смысловой цене вариантов перевода (обычно изначально отсекаются буквализмы — наиболее очевидные крайние случаи несовпадения ИЯ и ПЯ). В обычных условиях коммуникации интуитивен смысл — смысловая проекция дальнейшего содержательного развития мысли, которая подчинена позиции адресата. В переводе интуитивен (пусть в гораздо меньшей амплитуде) потенциал языковой формы выражения в аспекте ПЯ, которая в конечном счёте и должна определить допустимую границу истины перевода. Граница истины определяет допустимую «меру смысла» в переводе (Новикова, 2014: 155–156).

В теории истину перевода принято описывать в терминах категорий адекватности и эквивалентности. Через эти категории истина перевода раскрывается как соответствие переводного текста исходному. Первая категория служит основанием истины перевода, вторая определяет её границу. Связь эта является диалектической, т.е. взаимной, поэтому адекватность можно назвать основанием эквивалентности, а эквивалентность — показателем границы адекватности перевода.

VIII. Индуктивная логика интерпретации в переводе. Понятия транзитивности и деавторизации

Истина — высший критерий понимания. Мы говорим о двойственности этого критерия в условиях обычного восприятия и в переводе. И там, и там двойственность характеризуется отношением границы понимания к его основанию. В одном случае, это — отношение смысла к предмету мысли. В другом, это — отношение вербального предметно-семантического носителя к смыслу (к заданной смысловой задаче). Конечно, второй случай нас интересует больше, чем первый, поскольку он непосредственно характеризует динамику достижения истины перевода.

Истину в аспекте устанавливаемой границы понимания целесообразно трактовать как *транзитивную* величину. Транзитивность характеризует индуктивную логику понимания. Транзитивность означает потенциальную взаимозаменяемость элементов множества под знаком некоторого общего условия их взаимосвязи: предметного или смыслового. В одном случае мы говорим о предметном

тождестве некоторого множества смыслов — смыслов, выступающих вариантами смысловых интерпретаций одного общего для них значения. В другом случае мы говорим о смысловом тождестве некоторой совокупности предметных значений, которые выступают вариантами вербализации одного общего для них смысла.

Например, человек говорит некоторое слово, желая вызвать определённую реакцию собеседника, аудитории. Но при этом он упускает из виду, что сказанное им слово, помимо своего прямого смыслового предназначения, может иметь и другую смысловую интерпретацию: оно может вызвать недоумение, иронию, протест, если его рассмотреть под иным углом зрения или в более широком контексте. Подобные ситуации сатирически обыгрываются в народных бытовых сказках, в которых высмеиваются человеческие пороки: жадность, глупость, наивная доверчивость или недоверчивость. В этих сказках герой говорит что-то невпопад, вызывая этим вместо позитивной негативную реакцию других людей. Обратим внимание на два момента. Первое: интерпретация сказанного слова не является исключительным правом говорящего, функцию интерпретации говорящий частично уступает адресату, который со своих позиций устанавливает иную границу смыслового понимания, т.е. переосмысливает сказанное. Этот момент можно назвать *деавторизацией смыслового понимания*. Деавторизация основана на переосмыслении предмета мысли адресатом. Второе: вторичное понимание (от адресата) не отменяет первичное (от адресанта), даже если оно достаточно отличается от него, оно может быть лишь его продолжением. Оба понимания объединяются под знаком общего для них произнесённого слова (предмета мысли). Это говорит о взаимной транзитивности двух смыслов, т.е. об их взаимозаменяемости: один можно подставить на место другого. Назовём это моментом *смысловой транзитивности*.

Может ли деавторизация смыслового понимания (т.е. переосмысление предмета мысли адресатом) достигать абсолютных значений и практически полностью отрицать какую-либо смысловую транзитивность между двумя интерпретациями: исходной и вторичной? Такое возможно в условиях неадекватного понимания общающимися друг друга. Именно этот момент обыгрывается в бытовых сказках, когда герой позволяет себе произнести на свадьбе высказывание, уместное для ситуации похорон, или, наоборот, реплику свадебного приветствия на похоронах, создавая ситуацию ложного понимания своего намерения. Конечно, два смысла в диалоге должны как-то сближаться, соответствовать один другому, а

не исключать друг друга. Смысловая континуальность, которой ждёт читатель сказки, здесь нарушается, что и создаёт комический эффект, основанный на несоответствии достигнутого коммуникативного эффекта намерению говорящего. Возникает своеобразный прагматический смысловой «каламбур», в котором одному и тому же значению приписываются два смысла, две смысловые границы понимания, которые прагматически несовместимы.

Смысловая интерпретация предмета мысли в условиях коммуникации — во многом совмещённый двусторонний процесс, где смысловые позиции адресанта и адресата, не смешиваясь, во многом являются отражением друг друга и в этом отношении транзитивны, т.е. взаимозаменяемы. В привычных условиях диалога смысловая транзитивность между иллокутивной и перлокутивной интерпретациями в целом не должна нарушаться, доходить до крайней степени противоречия. Перлокуция в той или иной степени должна быть отражением иллокуции. Если перлокуция отменяет или игнорирует иллокутивное намерение говорящего, то это создаёт абсурдную ситуацию, разрушает диалог. Например, это может быть в ситуациях, когда адресат реагирует не на коммуникативное намерение говорящего, а на какой-то второстепенный элемент в его высказывании или саму форму обращения: *«Мне нравится, как ты ответил ему! — Не смейте мне тыкать, я Вам не мальчишка!»*. В этом примере адресат реагирует на форму обращения и игнорирует намерение говорящего (желание похвалить вызвало грубую ответную реакцию собеседника). Деавторизация смыслового понимания может быть лишь относительной и не может достигать абсолютных значений, не может нарушать требований смысловой транзитивности. Выражением смысловой транзитивности является взаимная адекватность реплик диалога, т.е. адекватное понимание общающимися друг друга.

Теперь, опираясь на те же категории *деавторизации* и *транзитивности*, обратимся к переводу, где мы наблюдаем аналогичные интерпретационные процессы — только в их зеркальном отображении. Вектор интерпретации в переводе меняется. Основой понимания здесь выступает смысл, граница понимания устанавливается в аспекте предметной семантики.

Интерпретационная конкуренция в аспекте смыслового понимания, которая наблюдается между адресантом и адресатом в условиях коммуникативного контакта, в переводе отсутствует. Переводчик не конкурирует с автором ИТ в части осмысления прагматической цели сообщения: он неукоснительно следует пред-

лагаемому автором коммуникативному заданию. Деавторизация смыслового понимания в переводе не может иметь места, поскольку противоречит самой задаче перевода. Тем не менее мы можем использовать эту категорию, характеризуя переход от ИТ к ПТ. Деавторизация в переводе относится к аспекту выражения. Переводчику доступны более ясная выразительная подача мысли, более чёткое выделение ключевых элементов сообщения. Таким путём он достигает определённого выразительного превосходства над автором в масштабе языковой формы текста, которая представлена семантикой и грамматикой предметных обозначений (потенциально переводчик всегда стремится к этому, особенно в художественном переводе). Подобную оптимизацию выражения в переводе мы можем назвать *выразительной деавторизацией*. Мысль достигает большей смысловой и выразительной наглядности в переводе. Ж. Вине и Ж. Дарбельне называют такой переводческий эффект эксплицитацией (Vinay, Darbelnet, 1995: 8). Переводчик своим переводом как бы «расшифровывает» смысл, заложенный автором в исходном тексте.

Деавторизация выражения в переводе соотносится с механизмом логической транзитивности, которая здесь является, понятно, не смысловой, как в условиях обычной коммуникации (когда два смысла от автора текста и от адресата соотносятся как тождественные на базе одного общего для них предметного значения), а предметной. Это значит, что при переходе от ИТ к ПТ два различных предметных обозначения ИЯ и ПЯ соотносятся между собой как тождественные (т.е. как эквивалентные и условно взаимозаменяемые) на базе одного общего для них смысла. Смысл этот отвечает той смысловой задаче, которую, исходя из заданной авторской прагматики ИТ, должен решить переводчик. Весь трансформационный межъязыковой ресурс перевода, направленный на поиск приемлемого выразительного эквивалента, основан на логическом механизме *предметной транзитивности*.

Предметную транзитивность в переводе следует рассматривать и как межъязыковое, и как чисто вариативное перифрастическое явление. Важно подчинение собираемых предметных обозначений общему смыслу, их нацеленность на решение одной и той же смысловой задачи, обуславливающей их окказиональную смысловую синонимию, их относительную эквивалентность друг другу. Все они, каждый по-своему, выражают границу понимания относительно одного и того же смысла в данном речевом контексте. Рассмотрим пример:

I. (англ.) Mr. Holbrooke's /1/ *message* to the UN and, more important, to its member governments will be a simple one: this is the best deal you will get. The chances are that most of the governments will go along. Several senior diplomats /2/ *contrast* their frustration with America at the UN with the good bilateral relation their governments have with Washington. In the end it will be those bilateral relations that matter most. And that, like virtually everything else this week, will show how weak /3/ *multilateralism*, and the United Nations, really are.

= Перевод (рус.): /1/ *Мысль*, которую г-н Холбрук хочет донести до ООН и, самое главное, до правительств стран членов ООН, весьма проста: это — лучшее, чего вы сможете добиться. Большинство стран, скорее всего, вынуждены будут согласиться. Дело в том, что недовольство ряда высокопоставленных дипломатов из некоторых стран действиями США в ООН /2/ *спокойно уживается* с позицией их правительств, поддерживающих прекрасные двусторонние отношения с Вашингтоном. В конечном счёте, именно фактор двусторонних отношений будет иметь решающее значение, что покажет, как, возможно, многое другое на этой неделе, насколько мало реальное влияние /3/ *международного сообщества* и, в частности, ООН.

Не анализируя представленный перевод в целом, обратим внимание на содержащиеся в нём три ключевых элемента: /1/ *message*, /2/ *contrast* и /3/ *multilateralism*, которые требуют для себя определённых трансформационных замен и, соответственно, помогут объяснить нам феномен логической транзитивности в переводе:

/1/ *message* — может быть переведено через другие эквиваленты: а) *послание*; б) *обращение*; в) *речь*; г) *слова*; д) *идея* и т.д. Переводчик выбирает эквивалент *мысль*, подчёркивая этим содержательную сторону слов Холбрука. Все эти элементы потенциально транзитивны, т.е. взаимозаменяемы, в данном переводе. Все они подчинены общему смыслу, выражая идею политического влияния официального представителя США в ООН.

/2/ *contrast* — в переводе этого элемента, переводчик идёт по пути антонимического перевода (*спокойно уживается*), подчёркивая этим совмещённость двух противоречащих друг другу позиций (*недовольство действиями США* и *прекрасные двусторонние отношения с США*). Автор ИТ, напротив, подчёркивает контраст двух позиций. В принципе, можно было пойти и по пути прямого перевода: «...недовольство ряда высокопоставленных дипломатов... действиями США в ООН а) *резко контрастирует* с позицией их правительств, поддерживающих прекрасные двусторонние отношения с Вашингтоном». Возможны другие варианты: б) *идёт вразрез*; в) *никак не согласуется*; г) *далека от...*; д) *противоречит*

и т.д. Потенциальная взаимозаменяемость всех этих элементов в контексте очевидна. Идея автора — в том, чтобы выразить, возможно, в ироничной форме единство несовместимого в позиции дипломатов.

13/ *multilateralism* — сложный элемент для русского перевода, который выражает идею многосторонности, коллегиальности, коллективности в международных отношениях. Этот термин возник в английском языке как выражение идеи противостояния монополярному миру 1990-х гг. Переводчик в русском переводе использует термин достаточно далёкий по своему значению от английского: *международное сообщество*. Русский термин в отличие от английского обозначает участников многосторонних отношений, а не саму идею этих отношений. В этом можно видеть семантическую транзитивность между английским и русским терминами.

Во всех представленных выше случаях выбора переводных эквивалентов мы видим трансформационную смелость переводчика, который идёт по пути поиска иной истинностной предметно-семантической границы смысла, отступая от данной в ИТ языковой формы его вербализации, предлагая свои эквиваленты. Это в определённой степени авторское решение переводчика, который переформатирует предметную базу отображаемой средствами ИЯ «картины мира», осуществляя ревизию входящих в неё элементов, убирая элементы, которые «видит» ИЯ, и предлагая другие, которые более «видны» с позиций ПЯ. Переводчик предлагает свой взгляд на «картину мира» сквозь призму другого языка. Собственно, это и есть то, что мы называем выразительной деавторизацией текста в переводе, которая служит задаче эксплицитации смысла, т.е. более ясной и открытой его подаче в ПТ.

Итак, истина в переводе имеет две стороны. Основанием истины выступает смысл, прагматическая задача текста. Границей истины выступает предметная семантика перевода, где возможна и до каких-то пределов допускается предметная вариативность, т.е. эквивалентные трансформационные предметные замены. Во всех случаях переводчик идёт по пути оптимизации выражения, руководствуясь смысловой задачей текста.

IX. Критерии истинностной верификации и фальсификации перевода

Истина в переводе имеет относительный статус, требуя для себя объективного подтверждения — прямого и/или косвенного. Прямое подтверждение является открытым, эксплицитным и до-

стигается непосредственным сравнением переводного текста с исходным. Однако такое подтверждение возможно лишь после того, как перевод уже сделан, т.е. является по большей части ретроспективным. Косвенное подтверждение ориентировано на перспективу перевода и является по большей части скрытым, имплицитным. Это подтверждение работает тогда, когда перевод ещё не сделан и переводчик всё ещё находится в процессе поиска эквивалентной формы перевода. Косвенное подтверждение истины перевода может быть названо допрецедентным, прямое, соответственно, можно назвать постпрецедентным.

Для косвенного подтверждения истины перевода важна его обратная сторона — та, где за гранью истины стоит *неистина*, которая и становится эффективным критерием определения истины перевода. Под неистиной перевода мы понимаем совокупность всякого рода «подводных камней», с которыми сталкивается и которые обходит переводчик в своей работе, поскольку они подталкивают его к разного рода упрощённым и неправильным решениям, к неточностям, к фактическим или стилистическим искажениям и ошибкам. Неистина — это своеобразная изнанка перевода, где переводчик проводит для себя «красную линию», отбрасывая путём виртуального перебора неприемлемых вариантов то, как не надо переводить.

Допрецидентная проверка перевода составляет важнейшую часть аналитической работы переводчика. Истина в переводе проверяется через ряд верификационных и фальсификационных критериев. Первые относятся к лингвистической структурно-языковой и предметно-семантической стороне перевода. Вторые — к его экстралингвистической смысловой стороне. Первые носят более очевидный, вторые — менее очевидный характер. Первые показывают себя как отрицательная проверка перевода, вторые скорее являются положительными. Как ни странно это звучит, мы говорим об *отрицательной верификации* перевода и о его *положительной фальсификации*.

Под отрицательной верификацией перевода мы понимаем виртуальную проверку перевода через буквальный перевод. В этой части первое, на что обращает внимание переводчик, — это более или менее очевидная опасность отклонения от выразительной нормы ПЯ, которое может возникнуть, если он пойдёт по пути прямого копирования в ПЯ языковой формы ИЯ. Такое копирование иначе называют интерференцией — явление недопустимое или, по крайней мере, нежелательное в переводе. Понятно, что переводчик не-

медленно отклоняет такой вариант перевода и стремится избежать каких-либо отклонений от нормативных требований ПЯ. Копирование иноязычной формы искажает мысль или, по крайней мере, затрудняет её восприятие. Переводчик как бы мысленно останавливает себя, имея в виду, что «так на ПЯ не говорят», «так ПЯ не работает».

II. (порт.) O PSD foi sempre o maior partido parlamentar do período 1945–1964. ***Ocupou a Presidência por três vezes.***

= буквальный перевод, не отвечающий норме ПЯ (рус.): В период с 1945 по 1964 гг. СДП (Социал-демократическая партия) была крупнейшей парламентской партией. ***Трижды партия занимала президентство****.

Такой перевод неприемлем с точки зрения нормы русского языка. Но даже если мы вместо слова *президентство* поставим *президентский пост*, такой вариант по норме русского языка также будет некорректен: *Трижды партия занимала президентский пост**. Более корректным представляется следующий вариант перевода:

= перевод, отвечающий норме ПЯ (рус.): В период с 1945 по 1964 гг. СДП (Социал-демократическая партия) была крупнейшей парламентской партией. ***Трижды партия побеждала на президентских выборах.***

Ещё один пример:

III. (англ.) Still, there is plenty of scope for further economic reform. An enthusiast for competition, Mr. Amato himself would like ***to deregulate further and faster.***

= перевод, отвечающий норме ПЯ (рус.): Тем не менее, есть ещё много места для продолжения экономической реформы. И такой энтузиаст рыночного соревнования, как г-н Амато, ***с удовольствием продолжит децентрализацию экономики и даже ускорит её.***

В этом примере выразительные несоответствия между ИЯ и ПЯ очевидны. Буквальное копирование языковой формы ИЯ неприемлемо с точки зрения нормы русского языка: ***будет децентрализовывать /экономику/ дальше и быстрее****. Отталкиваясь от этой виртуальной формы, переводчик выбирает отвечающие смыслу грамматические и лексико-семантические трансформации (см. правильный вариант перевода выше).

IV. Mr. Leopold's principal and extraordinary /1/ ***contribution to our world*** was to articulate the idea of a /2/ ***land ethic***. The human relation to land,

he wrote, “is still strictly economic, /3/ *entailing* /4/ *privileges* but not /5/ *obligations*”.

= перевод, отвечающий норме ПЯ (рус.): Основной /1/ *научной заслугой* А. Леопольда следует считать впервые сформулированную им мысль об /2/ *этических принципах отношения человека к природе*. Отношение человека к природе, писал американский эколог, «всё ещё определяется узким экономическим интересом, /3/ *в основе которого лежит* /4/ *принцип потребления*, а не /5/ *принцип ответственности*».

В этом примере соотносительные эквиваленты обозначены цифрами. Следовать представленному в ИТ порядку предметных обозначений в русском переводе невозможно: /1/ *contribution to our world* = /1/ *вклад в наш мир**; /2/ *land ethic* = /2/ *этика земли**; /3/ *entailing* = /3/ *влечь за собой**; /4/ *privileges* = /4/ *привилегии**; /5/ *obligations* = /5/ *обязательства**. Переводчик, следуя норме русского языка, путём трансформаций «расшифровывает» заключённый в ИТ смысл, понимая, что прямые лексические эквиваленты неспособны передать мысль автора. Этот пример показывает, насколько по-разному ИЯ и ПЯ могут «видеть» одну и ту же «картину мира».

Буквальный перевод ориентирован на референциальный параллелизм между ИТ и ПТ, т.е. на прямое повторение в ПТ тех же предметных обозначений, что приводит к неприемлемым нормативным и/или смысловым искажениям. Тем не менее, буквальный перевод незримо присутствует в переводе, как некая виртуальная отрицательная точка отсчёта, позволяющая оценить масштаб производимых переводческих трансформаций.

Фальсификационная проверка перевода носит положительный характер. Её требования вступают в силу тогда, когда условия первой верификационной проверки уже вполне удовлетворены. В отличие от верификации это — более тонкая проверка, требующая выход в экстралингвистический контекст, в смысловую подоплёку перевода. Здесь выразительная норма ПЯ, рассмотренная с формальных позиций, не претерпевает каких-либо искажений, но при этом внимательное рассмотрение содержания перевода устанавливает в нём смысловые, логические или ситуационные нестыковки и несовпадения. Обычно на этом уровне анализа обнаруживается смысловая избыточность или недостаточность перевода.

V. (порт.): *Energia e alimentos* levam inflação no Reino Unido a superar 10%.

= неточный перевод (рус.): *Электроэнергия и продукты питания* поднимают инфляцию в Соединённом королевстве до уровня выше 10%*.

= точный перевод (рус.): *Высокие цены на электроэнергию и продукты питания* поднимают инфляцию в Соединённом королевстве до уровня выше 10%.

Очевидно, что здесь в переводе требуется компенсация: электроэнергия и продукты питания сами по себе не могут влиять на инфляцию.

VI. (порт.): Na Alemanha /1/ *A. Merkel* venceu /2/ *as eleições*, mas outra vez /3/ *sem maioria*.

= неточный перевод (рус.): В Германии /1/ *А. Меркель* победила на /2/ *выборах*, вновь не получив /3/ *большинства голосов**.

Данный перевод не вызывает чувства протеста с нормативно-языковой точки зрения. Однако вдумчивое рассмотрение смысловой стороны перевода показывает всю его нелепость: как можно выиграть выборы, не получив большинства голосов? Необходимо знание всех экстралингвистических условий представленного в ИТ понимания. В выборах участвовала не А. Меркель, а её партия; выборы — не прямые, а парламентские; партия должна добиться подавляющего большинства голосов на выборах, чтобы иметь возможность формировать правительство и возглавить страну. Отсюда для правильного перевода требуются соответствующие компенсации:

= точный перевод (рус.): В Германии /1/ *партия А. Меркель* победила на /2/ *парламентских выборах*, вновь не получив /3/ *подавляющего большинства голосов*.

Партия А. Меркель победила на выборах, но, не получив подавляющего большинства, не добилась права формировать правительство.

VII. (англ.): As the global economy becomes more /1/ *competitive*, the rewards for success become greater, and so do the penalties /2/ *for failure*. Optimists embrace this future, while /3/ *pessimists seek protection from it*.

= точный перевод (рус.): /1/ *Экономическое соревнование в мире усиливается*. При этом вырастает не только величина вознаграждения в случае успеха, но и величина потерь в случае /2/ *ошибок или поражения*. Оптимистов не пугает такая перспектива. Однако /3/ *для тех, кто настроен менее оптимистично, нужны гарантии*.

Этот пример содержит ряд «подводных камней» смыслового уровня, которые при поверхностном подходе можно не заметить.

Представленный выше перевод элементов /1/ и /3/ может показаться излишне вольным, слишком далеко уходящим от языковой формы исходного текста. Однако более близкий по форме перевод элемента /1/ создаёт смысловую ошибку: Мировая экономика становится всё более /1/ **конкурентной***. Слово *competitive* в английском языке обладает более широкой семантикой, чем слово *конкурентный* в русском. Слово *конкурентный* в упрощённом русском переводе создаёт то понимание, что мировая экономика с кем-то конкурирует. С кем может конкурировать мировая экономика? Элемент /3/ (*pessimists seek protection from it*) также требует более глубокой трансформации при переводе на русский язык. Упрощённый вариант перевода звучал бы следующим образом: Оптимисты охотно принимают такое будущее. /3/ **Пессимисты же ищут защиты от него***. «Искать защиты от будущего» по-русски звучит парадоксально. Будущее наступает неизбежно. Пессимисты ищут защиты не от будущего, а от возможных негативных тенденций в будущем. Кроме того, *пессимисты* в любом случае ждут только наихудшего развития событий, на лучшее они не рассчитывают. Если они ожидают, что что-то или кто-то их защитит, то они уже не совсем пессимисты.

Х. Форенизация и доместикация как аспекты культурной адаптации в переводе

Выразительная деавторизация в переводе иногда принимает крайние формы, когда рациональная сторона содержания отступает на задний план и на первый план выступают иррациональные мотивы, подчиняющие себе смысловую функцию текста. Такого рода смысловая асимметрия возникает при переводе различных видов образности, стилистических и социокультурных окрасок. Здесь во весь рост встаёт проблема культурной нормы перевода. Переводчик оказывается перед сложным выбором, сталкиваясь с взаимным культурным отторжением или неприятием двух языков: культурную норму какого языка он должен в большей мере принимать или игнорировать? Вопрос об истине перевода приобретает радикальные черты.

Так, стилистическая окраска ИЯ нередко становится причиной применения глубоких переводческих трансформаций.

VIII. (англ.) Russian President V. Putin believes success of his presidency /1/ **lies beyond Russian borders**. Putin visited almost a dozen countries since he was elected president and next month he will probably /2/ **put a North Korea sticker on his briefcase**.

= перевод, сохраняющий исходную стилистическую окраску и отвечающий культурной норме ПЯ (рус.): Российский президент России В. Путин, видимо, считает, что наибольшего успеха ему суждено добиться /1/ *в области внешней политики*. С момента избрания на пост президента Путин уже посетил более десятка стран, и в следующем месяце /2/ *список этих стран, видимо, пополнит Северная Корея*.

Соотносительные эквиваленты в этом примере обозначены цифрами. Автор ИТ вкладывает иронию в свой текст. Однако буквальный перевод совершенно неспособен передать авторскую иронию, и переводчик, чтобы сохранить ироническую окраску, идёт по пути глубоких трансформаций. Прямые эквиваленты со стилистической точки зрения здесь звучали бы нелепо: *success of his presidency /1/ lies beyond Russian borders* = наибольший успех его ожидает /1/ *за пределами границ России**; /2/ *will put a North Korea sticker on his briefcase* = /2/ *приклеит северокорейский стикер на свой дорожный чемоданчик**. Меняя предметную базу, переводчик стремится сохранить оттенки иронии в своём переводе.

В современном переводоведении проблема культурной нормы перевода характеризуется через термины *доместикация* и *форенизация*. В одном случае переводчик максимально адаптирует свой перевод под культурную норму ПЯ. В другом его ориентиром является культурная норма ИЯ, переводчик стремится максимально передать краски исходного языка, дать почувствовать эти краски читателю. Вопросы культуры, образности, стиля относятся к художественному уровню перевода. Они требуют глубокого специального рассмотрения. Особенно они важны для изучения истории перевода, что показывает опыт ряда фундаментальных переводоведческих исследований (Нелюбин, Хухуни, 2006; Убоженко, 2014).

Антиномия категорий форенизации — доместикации возвращает нас к проблеме интерференции, от которой переводчик стремится всячески избавиться на уровне нормативной структурно-языковой соотнесённости языков в переводе. Эти категории относятся к макроуровню перевода, на котором доминирующую роль играет языковая культура. «Если говорить о переводе как о контакте культур... то будет правомерным попытаться понять, до какой степени в переводе контактирующие культуры могут оставаться нетронутыми и в какой мере они взаимно влияют друг на друга. Можно попытаться распространить понятие интерференции на явления культурного взаимодействия...» (Гарбовский, 2007: 319).

Любое культурное сближение языков проходит через борьбу. Форенизация и доместикация демонстрируют степень превосходства одного языка над другим в формальном или содержательном аспектах. Результатом такого превосходства является инкультурация культурно-выразительного опыта ИЯ в ПЯ. Инкультурация означает приобщение к культуре ПЯ, которая может проходить в виде ассимиляции или переосмысления. В первом случае мы говорим о произвольной инкультурации, основанной на интерференции формы ИЯ в ПЯ. Во втором случае — о непроизвольной инкультурации, где ПЯ переступает заданные смысловые границы интерпретации и переосмысливает текст в контексте собственного культурно-выразительного опыта.

Первый вид инкультурации скорее может рассматриваться как негативное явление — как вынужденная выразительная «переделка» одного языка под другой. Второй вид в ряде случаев можно трактовать позитивно, поскольку в нём процессы форенизации и доместикации вступают более или менее продуктивное взаимодействие: доместикация становится непроизвольным результатом форенизации.

Связь процессов форенизации и доместикации должна рассматриваться на всю глубину перевода. Здесь она иногда может принимать парадоксальные черты. Мы выделим те случаи, когда содержательная форенизация приводит к формальной доместикации, а формальная форенизация имеет своим следствием содержательную доместикацию.

Вопрос о форенизации обычно ставится в формальном аспекте, где она трактуется как попытка неукоснительного повторения в ПЯ формы ИЯ. Вопрос о форенизации в содержательном аспекте вряд ли можно ставить как специальную задачу перевода, поскольку перевод изначально ориентирован на максимально полную и адекватную передачу содержания исходного сообщения на всех его уровнях: референция (семантика предметных обозначений), прагматика (смысловое развёртывание текста), стиль (социокультурная окраска). Содержательная форенизация органична переводу. Вместе с тем, в процессе перевода при переходе от ИЯ к ПЯ между различными уровнями содержания (предметная семантика, смысловая прагматика, стиль) может возникать взаимное несоответствие. В подавляющем большинстве случаев переводчик разрешает это несоответствие в пользу смысловой стороны содержания и, прежде всего, в пользу стиля, что мы как раз видим в приведённом выше примере (см. пример VIII), где переводчик производит

радикальные изменения на уровне предметных обозначений и, по сути, заменяет всю предметную базу сообщения, стремясь сохранить стиль, социокультурную окраску. Получается, что форенизация на уровне стиля (попытка повторить ироническую окраску) приводит к доместикации на уровне предметных обозначений. Насколько отвечает такая трансформация истине перевода?

В стихотворном переводе также могут иметь место парадоксальные случаи, когда более или менее последовательная форенизация в аспекте формы (точное следование поэтической форме ИЯ) приводит к глубокой доместикации в аспекте содержания, т.е. по сути, к переосмыслению исходного содержания. Впрочем, такого рода метаморфозы могут иметь положительный эффект и адаптироваться в культуре ПЯ.

Формальная соотнесённость двух языков значима в стихотворном переводе, где форма ПЯ может конкурировать с формой ИЯ, порождая более глубокие смысловые ассоциации. Эти ассоциации возникают как бы совершенно непроизвольно, случайно, не по умыслу переводчика, а как естественный результат стихотворной работы языка (ПЯ), который вдруг выходит за рамки смысловой программы ИЯ и, внешне копируя форму ИЯ, неожиданно для себя создаёт нечто новое. Новый смысл становится функцией поэтической формы ПЯ. Прекрасным примером этого является стихотворный перевод М.Ю. Лермонтовым стихотворения Г. Гейне “Der Fichtenbaum” (в русском переводе известный как «Сосна»), где, при всём внешнем подобии семантик и форм, рождается новая художественная идея: непреодолимая дистанция между мужчиной и женщиной (*der Fichtenbaum* и *die Palme*) превращается в трагедию несбыточной женской мечты (северной Сосне никогда не статьстройной и прекрасной южной Пальмой)¹.

¹ Академик Л.В. Щерба, давший подробный лингвистический и поэтический анализ лермонтовского перевода, отмечал, что на базе достаточно точных языковых соответствий меняется художественная идея произведения. Л.В. Щерба называет душевные переживания главного образа (Сосна) «прекраснодушными мечтами» (Щерба, 1957: 99, 105), не отмечая в них трагизма. Мы считаем, что именно скрытый трагизм главного образа сделал стихотворение М.Ю. Лермонтова столь популярным в русской литературе. Стихотворение Г. Гейне получило новую жизнь в другой культуре. Интересно, что другие переводы стихотворения Г. Гейне, где переводчики стремились повторить авторскую художественную метафору социальной дистанции между мужчиной и женщиной (Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.Н. Майков, П.И. Вайнберг), выбирая в качестве эквивалента для немецкого *Fichtenbaum* русское существительное мужского рода (Кедр, Дуб) (*Ibid*, 98), не получили той же литературной популярности, как перевод М.Ю. Лермонтова.

Интересное художественное перевоплощение при достаточно точном поэтическом переводе стихотворения португальского поэта А. Гонзаги создает А.С. Пушкин в своём романтическом стихотворении «Там звезда зари взошла...». Классическое стихотворение о трагическом расставании с возлюбленной превращается в лёгкое романтическое произведение. Подробный лингвопоэтический анализ этого пушкинского перевода был дан нами ранее (Иванов, 2008).

«Переводчик в прозе — раб, переводчик в стихах — соперник», — говорил В.А. Жуковский. Форенизация в аспекте поэтической формы может приводить к глубокой смысловой доместикации. Попытка повторить поэтическую форму в переводе может породить совершенно иной смысл. Адаптированное в аспекте смысловой доместикации произведение начинает жить собственной жизнью в иной литературной культурной среде.

Мы видим, что в этих примерах перевод переступает свои интерпретационные границы и превращается в переосмысление исходного текста. Переводчик конкурирует с автором на смысловом уровне. Выразительная деавторизация превращается в смысловую деавторизацию текста. Можно ли в этом видеть истину перевода?

XI. Заключение. Истина перевода в комплексном понимании

Истина перевода — это комплексная и неоднозначная величина, являющаяся центральным критерием соответствия переводного текста исходному. Истина перевода охватывает три содержательных уровня текста: предметно-семантический, прагматический и стилистический, между которыми при переходе от ИЯ к ПЯ могут возникать различного рода противоречия и асимметрии. Переводчик должен искать приемлемый смысловой компромисс между различными содержательными уровнями, чтобы сохранить в достаточном объёме масштаб содержательного соответствия переводного текста исходному.

Помимо указания на предмет и смысловой прагматики текста, перед переводчиком встаёт проблема стиля, за которым открывается масса социокультурных и образных ассоциаций, специфических для каждого языка. В специальном переводе проблема стиля имеет формальный статус: научный текст переводится научным стилем, официальный текст — официально-деловым стилем, публицистика — публицистическим и т.д. Сложившаяся в речевой культуре ПЯ стилистическая норма доминирует как высший выразительный

канон, подчиняя себе форму выражения, становится непреложным условием выбора переводного эквивалента. Стиль становится решающим критерием доместикации в специальном переводе.

В художественном переводе на первый план выходит проблема индивидуально-авторского стиля и национально-культурной об-разной специфики языка. Но и здесь стиль имеет доминантную функцию, определяя принимаемые переводчиком смысловые ре-шения.

Вопросы социокультурных окрасок и стиля чрезвычайно важны в переводе, поскольку стиль — это начало и непрекаемая основа смысла. Стиль — вершина адекватности и критерий смысловой верификации перевода. Истина перевода не может игнорировать стиль как высшую инстанцию понимания. Невыполнение условий стиля уничтожает перевод.

Другой стороной истины перевода является предметно-семан-тический компонент, который становится решающим критерием эквивалентности. Адекватность — безусловная и инвариантная сторона перевода, эквивалентность — его условная и вариативная сторона.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

Бимель В. Мартин Хайдеггер, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (перевод с нем. А. Верников). Челябинск: Урал LTD, 1998. 284 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд. ин. лит-ры, 1960. С. 264–389.

Иванов Н.В. Мотивы создания, форма и образы одного поэтического перевода А.С. Пушкина с португальского // *Мосты*. № 1, 2008. М.: 2008. С. 18–25.

Иванов Н.В. Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе: монография / Н.В. Иванов; М.: ИД «Международные отношения», 2018. 151 с.

Иванов Н.В. Трансформационная диалектика перевода (на базе португальско-русских и русско-португальских примеров) // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Вып. № 6. «Язык. Коммуникация. Перевод». Материалы XV Межд. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. Москва. ВУ (25 июня 2021 г.). М.: Военный университет Минобороны России, 2021. С. 556–568.

Князева Е.Г. Речевая единица и коммуникативная антиципация // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном изме-

рениях: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 27 июня 2014 г.). М.: ИД «Международные отношения», 2014. С. 609–613.

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. Предисловие М.Я. Цвиллинга. Изд. 2-е доп. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с.

Мунэн Ж. Перевод как языковой контакт // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 36–41.

Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времён до наших дней): Учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 416 с.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 6-е изд. М.: Флинта; Наука, 2009. 320 с.

Новикова М.Г. Языковой символизм и мера смысла как способ передачи идиостиля при переводе художественной прозы // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 27 июня 2014 г.). М.: ИД «Международные отношения», 2014. С. 150–161.

Павилёнис Р.В. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983. 286 с.

Полубоярова М.В. Структурные уровни эквивалентности в специальном переводе (на материале англо-русского публицистического перевода): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 179 с.

Сидоров Е.В. Социальная коммуникация. М.: Изд-во РГСУ, 2011. 200 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31–274.

Федулова М.Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерениях (на материале английских и русских текстов судебной риторики): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2019. 315 с.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 216 с.

Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с её немецким прототипом // Щерба Л.В. Избранные труды по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 97–109.

Vinay, J.-P., Darbelnet, J. Comparative Stylistics of French and English, trans. and ed. by Juan C. Sager and M.-J. Hamel. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 1995. 342 p.

References

Arutjunova N.D. (1998) Jazyk i mir cheloveka = The Language and the Humans' World. Moscow: *Jazyki russkoj kul'tury*. 896 p. (In Russian).

Bimel' V. (1998) Martin Hajdegger, sam svidetel'stvujushhij o sebe i o svoej zhizni = Martin Heidegger Testifying about Himself and his Life. (perevod s nem. A. Vernikov). Cheljabinsk: Ural LTD. 284 p. (In Russian).

Garbovskij N.K. (2007) Teorija perevoda: Uchebnik = Theory of Translation: Manual. 2-e izd. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 544 p. (In Russian).

El'mselev L. (1960) Prolegomeny k teorii jazyka = Prolegomena to the Theory of Language. *Novoe v lingvistike*. Issue 1. Moscow: Izd. in. lit-ry, pp. 264–389 (In Russian).

Ivanov N. V. (2008) Motivy sozdaniya, forma i obrazy odnogo pojeticheskogo perevoda A.S. Pushkina s portugal'skogo = Reasons for Creation, Form and Images of one Alexander S. Pushkin's Poetic Translation from Portuguese. *Mosty*. No. 1. Moscow, pp. 18–25 (In Russian).

Ivanov N. V. (2018) Interpretacija v znakovoj ontologii jazyka i v perevode: monografija = The Interpretation in the Ontology of Language and in Translation: Monograph. Moscow: ID "Mezhdunarodnye otnoshenija". 151 p. (In Russian).

Ivanov N. V. (2021) Transformacionnaja dialektika perevoda (na baze portugal'sko-russkih i russko-portugal'skih primerov) = Transformational Dialectics of Translation (by Portuguese-Russian and Russian-Portuguese examples). *Voенно-gumanitarnyj al'manah. Serija "Lingvistika". Issue No. 6. "Jazyk. Kommunikacija. Perevod"*. Materialy XV Mezhd. nauch. konf. po aktual'nyh problemam teorii jazyka i kommunikacii. Moscow. VU (25 iyunja 2021 g.). Moscow: Voennyj universitet Minoborony Rossii, pp. 556–568 (In Russian).

Knjazeva E. G. (2014) Rechevaja edinica i kommunikativnaja anticipacija = Speech Unit and Communicative Anticipation. Jazyk kak sistem-naja real'nost' v sociokul'turnom i kommunikativnom izmerenijah: Mat-ly VIII Mezhdunar. nauch. konf. po aktual'nyh problemam teorii jazyka i kommunikacii (Moscow, 27 iyunja 2014 g.). Moscow: ID "Mezhdunarodnye otnoshenija", pp. 609–613 (In Russian).

Komissarov V. N. (2007) Lingvistika perevoda. Predislovie = Linguistics of Translation. M. Ja. Cvillinga. Izd. 2-e dop, Moscow: Izdatel'stvo LKI. 176 p. (In Russian).

Mounin G. (1978) Perevod kak jazykovej kontakt. = Translation as a Contact of Languages. *Voprosy perevoda v zarubezhnoj lingvistike* Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, pp. 36–41 (In Russian).

Neljubin L. L., Huhuni G. T. (2006) Nauka o perevode (istorija i teorija s drevnejshih vremjon do nashih dnei) = The Science of Translation (History and Theory from the Ancient Times up to Contemporary Days). Ucheb. posobie. Moscow: Flinta. 416 p. (In Russian).

Neljubin L. L. (2009) Tolkovyj perevodovedcheskij slovar' = Explanatory Dictionary of Translation Studies. 6-e izd. Moscow: Flinta: Nauka. 320 p. (In Russian).

Novikova M. G. (2014) Jazykovej simvolizm i mera smysla kak sposob pere-dachi idiosilija pri perevode hudozhestvennoj prozy = Linguistic Symbolism and Measure of Sense as a Means of Rendering Idiostyle in Literary Prosaic Translation. Jazyk kak sistemnaja real'nost' v sociokul'turnom i kommunikativnom izmerenijah Mat-ly VIII Mezhdunar. nauch. konf. po aktual'nyh problemam teorii jazyka i kommunikacii (Moskva, 27 iyunja 2014 g.). Moscow: ID "Mezhdunarodnye otnoshenija", pp. 150–161 (In Russian).

Paviljonis R.V. (1983) Problema smysla = The Problem of The Sense. Moscow: Mysl'. 286 p. (In Russian).

Polubojarova M.V. (2009) Strukturnye urovni jekvivalentnosti v special'nom perevode (na materiale anglo-russkogo publicisticheskogo perevoda) = Structural Levels of Equivalence in Special Translation (by the English-Russian Publicistic Translation. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 179 p. (In Russian).

Sidorov E.V. (2011) Social'naja kommunikacija = Social Communication. Moscow: Izd-vo RGSU. 200 p. (In Russian).

Saussure, F. de. (1977) Kurs obshhej lingvistiki = Course in General Linguistics. Sossjur F. de. Trudy po jazykoznaniju. Moscow: Progress, pp. 31–274 (In Russian).

Fedulova M.N. (2019) Interpretacionnaja priroda diskursa v sociokul'turnom i kommunikativnom izmerenijah (na materiale anglijskih i russkih tekstov sudebnoj ritoriki) = Interpretative Nature of Discourse in Sociocultural and Communicative Dimensions (by the English and Russian texts of Forensic Rhetoric). Disc. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 315 p. (In Russian).

Shvejcer A.D. (2009) Teorija perevoda: status, problemy, aspekty = Theory of Translation: Status, Problems, Aspects. Moscow: LIBROKOM. 216 p. (In Russian).

Shherba L.V. (1957) Opyty lingvisticheskogo tolkovanija stihotvorenij. II. "Sosna" Lermontova v sravnenii s ee nemeckim prototipom = Essay on a Linguistic Interpretation of Poems. II. "Pine-tree" by Lermontov Compared with the German Original. Shherba L.V. Izbrannye trudy po russkomu jazyku. Moscow: Uchpedgiz, pp. 97–109 (In Russian).

Vinay, J.-P., Darbelnet, J. (1995) Comparative Stylistics of French and English, trans. and ed. by Juan C. Sager and M.-J. Hamel. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins. 342 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Иванов Николай Викторович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков (итальянского, португальского и латинского) имени профессора Т.З. Черданцевой Московского государственного института международных отношений (университета) — Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, г. Москва, просп. Вернадского, д. 76; e-nickma@mail.ru

Федулова Мария Николаевна — доктор филологических наук, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника 33 кафедры английского языка (второго) Военного университета имени Князя Александра Невского Министерства обороны РФ. 125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; mfedulova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Nikolai V. Ivanov — Dr. Sc. (Philology), Full Professor of Linguistics, Head of the Department of Romance Languages at Moscow State University of International Relations (MGIMO); 76 prosp. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; e-nickma@mail.ru

Maria N. Fedulova — Dr. Sc. (Philology), Associate Professor of Linguistics, Deputy Chief of the English language Department (as the second foreign language) at the Alexander Nevsky Military University, Russia, Moscow, Bolshaya Sadovaya st., 14; mfedulova@mail.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interest.